ФЕСТИВАЛЬНЫЕ СТРАДАНИЯ

«Соотечественники! Осторожно! Космополиты идут. Довольно плотными рядами». Вот таким призывом-предостережением заканчивает свою статью «Заблудший театр» в фестивальной газете «Аттайва» (переводится как «оживление», «возвращение к жизни») автор одной поставленной и двух или трех непоставленных пьес Г. Янкус. Не знаю, случайно или не случайно, но его статья отметила сорокалетие борьбы с космополитизмом, объявленной Сталиным и Ждановым. На сей раз в космополиты попали театральные режиссеры, которые не ставят или редко ставят (а если ставят, то не так, без душевного трепета и преклонения) литовских авторов, а вместо этого,— конечно, из конъюнктурных соображений, в угоду Москве — интересуются «разными арго, кутерниццкими, галиными, дозорцевыми», «поворачивются лицом к Западу», к Шекспиру например... Критики (в выступлениях режиссера Г. Падягимаса — разделение труда, что ли?) на сей раз попали в разряд обыкновенных вредителей, врагов национального театра, злопыхателей и т. д.

Нинуда не денаешься — приходится и об этом писать, рассказывая о фестивале литовской драматургии, проводившемся зимой в Шяуляе. Ибо это — один из зацветов многообразного, яркого и тусклого, интересного и тосклиного, талантливого и серого, современного и бесконечно рутинного театрального праздника. Первая половина эпитетов относится и фестивалю в целом, к фестивалю как значительной общекультурной акции нового, «нашего» времени, вторая — увы! — и его сутубо театральной части, к спектаклям...

Итак — фестиваль в Шяуляе. Пять драматических и два кукольных театра Литвы показывают свои новейшие постановки пьес литовских авторов — классиков (В. Сруоги — современников (К. Сая, Ю. Марцинкявичюс, В. Кукулас и Р. Туминас, В. Ясюкайтите, А. Матутис), эмигрантов (А. Шикема). Нет спектаклей режиссеров-лидеров З. Некрошюса, И. Вайтнуса (они, подкрепляя тезис о космополитизме, реверируют: первый — «Короля Лира» Шекспира, второй — «Дядюшкин» А. Мицкявичу)... Основную нагрузку несут молодые В. Бальсис, Р. Дрежис или «условно молодые» Г. Падягимас, Р. Туминас, их старшие коллеги П. Гайдис, А. Станкявичюс.

Что касается драматургии, которой этот фестиваль и был посвящен, то сразу отметим, что были поставлены две действительно талантливые пьесы. В последние годы отошедший от театра ради прозы драматург Казис Сая написал историческую драму о епископе-просветителе XIX века, борце за сохранение литовской нации, ее языка и культуры Мотеюсе Баланчюсе — «Жемайтийский пастух».

Впервые в литовском театре была поставлена и пьеса-притча Антанаса Шкемы «Подсвечник». Написанная свыше тридцати лет назад, она, как и вся эмигрантская культура Литвы, была запретным плодом. Притча «Подсвечник», варьирующая историю Авеля и Каина, касается сложнейших вопросов судьбы человека и человечества, нации и народа. Сложен ее поэтический язык, сложна, рафинированна структура. Но и традиционную историческую драму К. Сая, и сложнейшую философско-эстетическую притчу А. Шкемы объединяют невыказанность, многозначность, некая тайна, которые должен угадать, решить, объяснить, реализовать режиссер. В них — потенциал для театрального сотрудничества (и это не случайно — К. Сая связал свою судьбу с театром свыше тридцати лет назад, А. Шкема еще до войны был актером вильнюсского театра «Вайдила»).

Сегодня литовский (да только ли он) театр — театр по преимуществу литературный. Театр, инсценирующий, иллюстрирующий, комментирующий и — в самом лучшем, самом смелом случае — интерпретирующий литературу. Сегодняшний театр — театр драматурга, которому вполне достаточно иметь постановщика, а на художника-режиссера (исключения З. Некрошюс, И. Вайтнус и, как оказалось на фестивале, Р. Туминас). Отсюда, с одной стороны — наплыв драматургов-«текстовиков», главная сила которых — в слове, во фразе; с другой — наплыв постановщиков, для которых «в пьесе вся сказано». Из театра давно ушла театральность. Театр объясняющий, показывающий, отражающий, изображающий занял место театра театрального, театра творящего, преображающего. Если театральное время — только настоящее, то на сегодняшней сцене царит время прошедшее, время других искусств.

Переход от выражения к изображению, от творчества к интерпретации играет злые шутки на сцене литовского театра. В постановке П. Гайдиса (Клайпедский театр) историческая драма К. Сая становится каким-то «амбивалентным» зрелищем. С одной стороны — в традициях историко-психологической драмы рассказанная история жизни и борьбы Мотеюса Баланчюса (его глубоко, мужественно играет П. Станкус); с другой — откровенный балаган, связанный с эпизодами царских колдафонов. Здесь и генерал-вешатель Муравьев с кровавой мордой, говорящий то «под Брежнева», то «под Сталина», стучащий башмаком об стол «под Хрущева». Здесь и всякие поручики, урядники и прочая, и прочая — паяцы, марионетки с резиновыми дубинками. Пьяницы, насильники, потешно-страшные, лубочные «враги». С ними — такими — при желании легко расправиться, но так как этого желания, видимо, нет, то картонные «враги» легко расправляются с живыми, бедными и хорошими «нашими» (вопрос на засыпку: а чего тогда стоят «наши», которые многие годы мужественно боролись с любым насилием — отнюдь не лубочным). Антиимперские сцены вызывают восторг публики (прошу не путать публику и зрителей; между ними такая же разница, как между постановщиками и режиссерами, актерами и артистами, исполнителями и художниками).

Актеры сами начинают нажимать на «выигрышные» моменты, растягивать в самостоятельные концертные сцены свои эпизоды (наэовем Б. Бараускаса в роли бывшего ксендза; лишь фамилия персонажа, совпадающая с фамилией известного писателя, одного из лидеров «Саюдиса», как раз в дни фестиваля по ТВ объясняевшего причины своего ухода из этого движения, вызывала оживление в зале). И тогда — тогда весь пафос, весь драматизм судьбы Баланчюса и его «стада» — литовцев, пытающихся сохранить себя как нацию, как людей,— вся сложность вечно актуальной мысли К. Сая растворяются в пестрой и весьма поверхностной, не очень высокого художественного и интеллектуального уровня балаганно-«злободневной» игре. Лубочная иллюстрация истории и исторической драмы победила театр.

Конечно, я понимаю стремление театра откликнуться на злобу дня. Но... Годы застоя, да и более ранние времена мы обвиняем (помимо всего прочего) в потере, сознательном игнорировании художественных, эстетических, философских критериев рассуждений об искусстве, в приоритете критериев тематических, примитивно-идеологических. Так и давайте теперь, во времена новые, искусство оценивать в системе координат искусства, а не по критериям прагматического и лживого «нужно — не нужно», не по критериям призывов и позывов. А то ведь что получается — те, застойные, спектакли (театры, режиссеры) были плохи потому, что они «откликались на злобу дня», шли на службу дозу ведомствам, воспевали новаторов, критиковали консерваторов, воспевали сущность системы и критиковали отдельные недостатки, воспевали «слияние наций и культур» и критиковали проявления «экстремизма», «сепаратизма» и т. д. Эти хороши уж там, что подвергли критике ранее воспеваемое и стали воспевать ранее критикуемое. Неужто мы только так способны судить об искусстве, культуре?

В этом смысле фестиваль «нового» времени мало чем отличался от своих собратьев — аналогичных фестивалей прошлого. Талантливая пьеса А. Шкемы «Подсвечник» в режиссуре Г. Падягимаса (Шяуляйский театр) стала монотонным, иллюстративным, многословным (даже в те моменты, когда актеры молчали и куда-то зачем-то двигались или стояли в очень красивых позах), претенциозным зрелищем. Куда-то выветрились драматизм, боль, сложность мысли автора.

Другой спектакль того же Г. Падягимаса, показанный на фестивале,— «Жильвинас» В. Ясюкайтите. У Шкемы — актуализированная (не «озлободневненная», а актуализированная, в этом суть!) библейская история Авеля и Каина; у Ясюкайтите — озлободневненная литовская сказка, миф о Эгле — королеве ужей, о трагической судьбе ее самой и ее детей. У В. Ясюкайтите Эгле становится Кассандрой, предрекающей гибель литовской нации, призывающей отказаться от всех плодов цивилизации и вернуться к первобытному «натуральному» существованию; ее братья становятся примитивными убийцами детей, народ — тупой, бессердечной, темной толпой.

Две разные по художественному уровню пьесы (поэма и стихотворный газетный фельетон — примерно таков перепад этих уровней) «под пером» Г. Падягимаса стали на удивление похожими картинками — иллюстрациями к текстам. Не случайно, видимо, «интеллектуальные» спектакли Г. Падягимаса получили не премию жюри, а премию колхоза — за работу с национальной драматургией. Жюри Шяуляя наградило шяуляйцев за организацию фестиваля — это было, как бы выразиться... дипломатично.

Автор ничего не может сказать о постановке «Страшной ночи» классика литовской литературы Балиса Сруоги. Не потому, что он не видел этой постановки Каунасского драмтеатра, осуществленной В. Бальсисом. Он видел, но не запомнил. Это был на удивление унылый, «нафталинный» спектакль, в котором режиссер растворился как растворимый кофе — до конца; в котором каждый актер играет то, что он когда-то сыграл (например, Б. Шинкарюнас поменял костюм, но из униформы царского жандармского офицера торчат уши Понтия Пилата из «Голгофы» И. Вайтнуса — Ч. Айтматова). Все, что запомнилось, — радость, что спектакль кончился на полчаса раньше, нежели указано в программе, и работа В. Вайченаускаса в роли старого нищего Мунницкаса.

Не знаю, согласятся ли читатели (коллеги занимают двойственную позицию — наедине согласны, публично отмалчиваются или возмущаются: «как посмел!»), но, на мой взгляд, «Собор» — наиболее слабая пьеса поэта и драматурга Ю. Марцинкявичюса (надеюсь, читатели «СК» чигали и трилогию «Миндаугас» — «Мажвидас» — «Собор»). Это ни в коем случае не умаляет таланта поэта, не роняет его достоинства, но, повторяю, на мой взгляд, «Собор» пространен и дидактичен (хотя пьеса построена как традиционная мелодрама, ее сюжет явно оторван от тех моральных заклинаний, которые здесь выдаются за идеи).

С. Варнас, недавно «съеденный» труппой в Шяуляе и перешедший в Паневежис, сильно сократил текст драмы (что, несомненно, пошло ей на пользу), отказался от многих публицистически-морализаторских мотивов, на центральные роли назначил талантливых А. Бабкаускаса и Г. Карку — и мы на сцене увидели крепкой профессиональной рукой сработанный спектакль — с четкой, ясно выраженной мыслью, с интересными актерскими работами. Это, учитывая сложное положение «постмильтиневского» Паневежисского театра, оказавшегося и арьергарде театрального искусства, вселяет надежду, что С. Варнас и Паневежский театр найдут общий язык, выйдут из кризисного состояния.

Находкой театральной части фестиваля стал спектакль Р. Туминаса «Здесь не будет смерти» по пьесе-сценарию, написанной совместно с В. Кукуласом,— спектакль, посвященный судьбе замечательного поэта Паулюса Ширвиса. Римас Туминас, режиссер Академического театра драмы, каким-то образом сумел создать в этом репрезентативном учреждении свой автономный театр — живой, настоящий. Теперь идет процесс создания самостоятельного, отдельного театра под руководством Р. Туминаса. Камерные, лиричные спектакли его (чаще всего он ставит на Малой сцене — «кутерницких», «галиных», в общем — «космополит») отличались, помимо всего прочего, великолепными актерскими работами. В этих спектаклях актеры Академдрамы оказывались живыми, талантливыми, творческими людьми.

Спектакль «Здесь не будет смерти» рождался долго и трудно, путем импровизаций, коллективного творчества, с использованием новые средства выразительности. Не было означенного, канонического «текста пьесы», но оставалась главная мысль, стержень будущего спектакля — судьба Поэта и судьба Народа, художника и время, трагическое время послевоенной Литвы. «Здесь не будет смерти» — мемориал памяти, но такие и яркая театральная работа, в которой царит дух совместного творчества. «Характеров», «действующих лиц» здесь по сути нет, есть мозаика типов, масок, социальных функций, есть горечь, лиризм, сарказм, ирония, романтика...

Работа Р. Туминаса была отмечена основной наградой фестиваля, премию получили и весь спектакль в целом, и его режиссер, и художник В. Идзелите, и композитор Ф. Латенас.

Уф-ф, со спектаклями покончили. Переходим к главному — к тому, что было на театральном фестивале вокруг театра.

А вокруг кипела жизнь. По утрам проводились то ли научные конференции, то ли беседы на определенную тему — «Утренние мысли». На них выступали люди, ставшие в последнее время лидерами общественной жизни республики,— философы, историки, искусствоведы, культурологи, писатели. Это был праздник раскрепощенной мысли. Правда, на «Утренних мыслях» почти никто не рассуждал о театре. Слишком явным был разрыв между этим праздником интеллекта и зрелищами, которые вечерами шли на сцене.

За десять дней фестиваля вышли четыре номера фестивальной газеты «Аттайва» (редактор — завлит Шяуляйского театра В. Диджгальвис). Это — тоже уникальное явление в театральной прессе, неподцензурная газета театралов. Публиковались статьи, написанные еще в довоенные годы или эмиграции,— статьи Видунаса и А. Шкемы, А. Сметоны и И. Мекаса. Была опубликована протокольная история изгнания из Каунасского театра в 1972 году талантливейшего режиссера Ионаса Юрашаса. Печатались и краткие рецензии на фестивальные спектакли. Вечером — спектакль, утром — рецензия на столе редактора: правда, фантастика?

Вот тут и произошел казус. Журналистка Л. Тирвайте написала, а редактор В. Диджгальвис (наивно поверивший в плюрализм мнений) напечатал критический отклик на «Жильвинас». И грянул гром! На «Утренних мыслях» выступил Г. Падягимас; досталось и «Аттайве», и ее редактору. Потом такие антикритические снандальчики он устроил еще не раз, вплоть до заключительной конференции и постфестивального собрания труппы, где потребовал увольнения завлита — редактора. В. Диджгальвис переходит на другую работу, в другой город. Демократия и гласность (а Г. Падягимас — один из тех, кто стал одним из лидеров «нового мышления»), как их понимают некоторые борцы за эти ценности,— вещи сиуолдобительные...

А по вечерам, без пяти минут полночь, в Малом зале Шяуляйского театра начинались праздники литовской поэзии. Классики, современники, эмигранты — звучали стихи литовских поэтов, еще и еще раз подтверждавшие мысль о единой, не разрываемой ни хронологией, ни географией, национальной культуре. На сцену выходили молодые и маститые, начинающие и опытные, известные и в роли чтецов мало известные актеры всех театров и читали, читали, читали великолепнейшие, талантливейшие стихи — известные и малоизвестные, популярные и вновь возвращающиеся в новый контекст национальной культуры... Публика (вот здесь все же вернее говорить о зрителях) слушала, как один человек,— внимательно, вдумчиво, не скрывая слез радости и печали, как всегда бывает при встрече с большим искусством...

«Утренние мысли» и «Ночная поэзия», газета «Аттайва» и выставки в фойе театра — вот что было залогом успеха, гарантом значительности шяуляйского театрального фестиваля «Аттайва». За что и благодарили все его организаторов — Г. Падягимаса, В. Юнкуса, всех шяуляйцев-театралов...

Ну а сама театральная программа фестиваля еще раз подтвердила то, что давно всем было известно,— неблагополучие дел в литовском театральном искусстве. И «космополиты» здесь ни при чем...

Эгмонтас ЯНСОНАС.

Вильнюс.